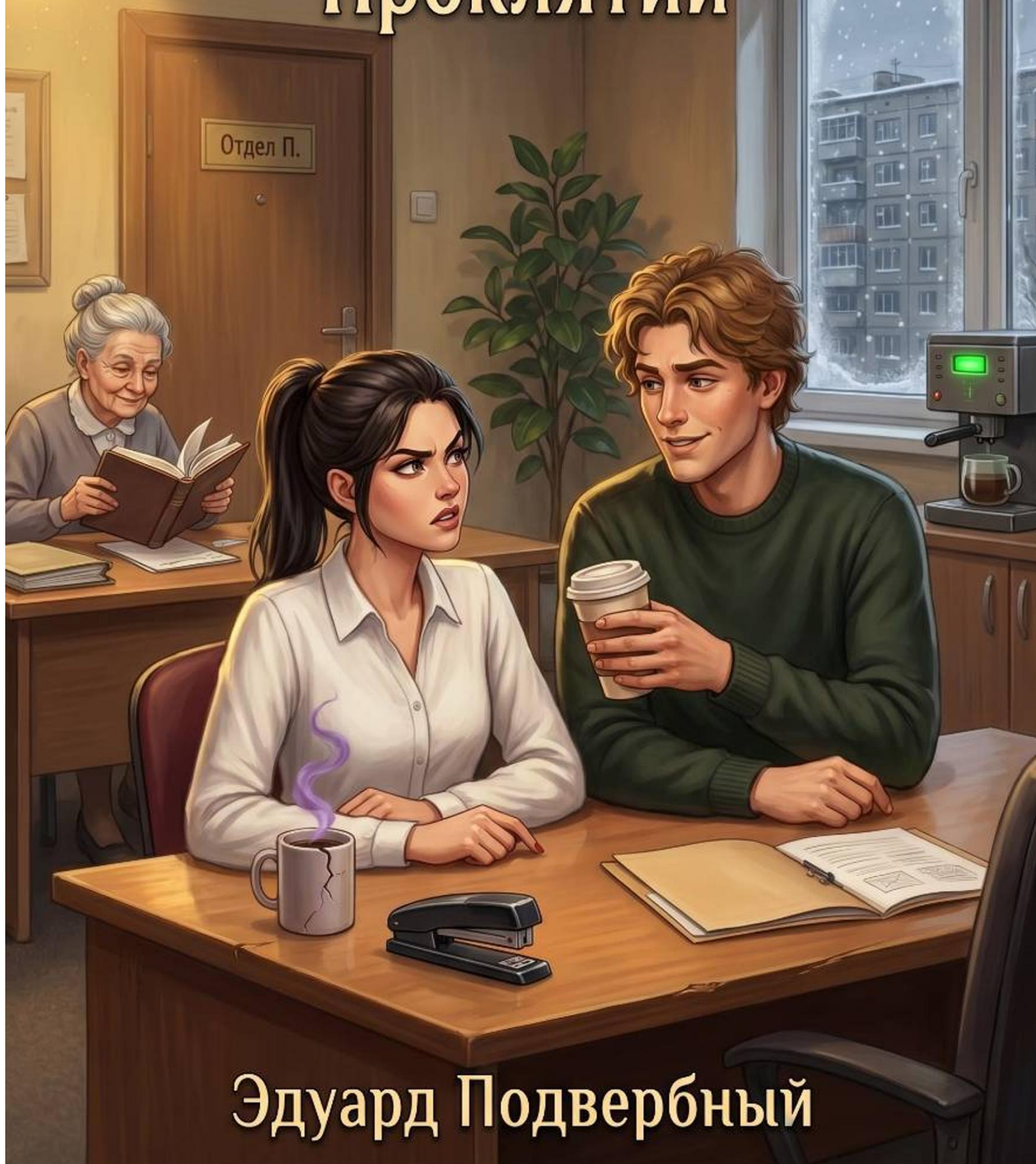

Агентство „Паранойя“: Отдел По Утилизации Проклятий

Эдуард Подвербный

Эдуард Подвербный

**Агентство «Паранойя»: Отдел
по утилизации проклятий**

«Автор»

2026

Подвербный Э. А.

Агентство «Паранойя»: Отдел по утилизации проклятий /
Э. А. Подвербный — «Автор», 2026

Скажите честно: когда вы последний раз читали книгу, где степлер кусает курьера, диван осуждающе скрипит, а главные герои закрывают портал в бездну и после этого идут пить кофе в ларёк? Никогда. Потому что таких книг нет. Офисное фэнтези, городское фэнтези, детектив, абсурд, ирония и любовная драма в одном флаконе. "Агентство «Паранойя»" — это офисное фэнтези с магией, иронией, любовью и абсолютным нулём пафоса. Проверьте.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Эдуард Подвербный

Агентство «Паранойя»: Отдел по утилизации проклятий

Пролог

Кофемашина в офисе отдела «П.» сдохла ровно в девять утра — именно в тот момент, когда Арина Стеклова переступила порог, держа в одной руке папку с отчётами, а в другой — кружку с надписью «Лучшему специалисту по чужим проблемам». Машина издала звук, похожий на предсмертный хрип баньши, выплюнула облако пара и затихла.

— Доброе утро, — сказала Арина себе под нос, в пустоту.

Пустота, конечно же, не ответила. Пустота эта пахла горелым пластиком и утренним разочарованием. Арина поставила кружку на стол, поправила очки в тонкой оправе и глубоко вздохнула. Нервничать было нельзя. Совершенно нельзя. Вдох. Выдох. Мысленно пересчитать до десяти. Представить белый лист бумаги. Один, два, три...

— Стеклова!

Дверь кабинета начальника грохнула так, что фикус в углу опенспейса вздрогнул. Сам начальник стоял на пороге — высокая сухощавая фигура в неизменном костюме-тройке цвета крыла ворона. Марк Львович (имя — сокращённое, для удобства, потому что полное занимало три строки в магическом реестре, а год рождения значился римскими цифрами) держал в руке мундштук с незажжённой сигаретой и смотрел на Арину с выражением, которое она про себя называла «ну что опять».

— Ты почему ещё не в полях? У нас визит через сорок минут!

Арина вздрогнула. Кружка с надписью «Лучшему специалисту» треснула ровно посередине. Из трещины потянулась тонкая струйка дыма — фиолетового цвета, с запахом жжёной карамели.

Марк Львович перевёл взгляд на кружку. Потом обратно на Арину.

— Опять ты исполняешь, Стеклова.

— Я же это не специально.

— В прошлый раз стул загорелся. Неделю назад степлер укусил курьера за зад. Сегодня — кружка. Стеклова, у нас бюджет на инвентарь утверждается раз в полгода. Ты в курсе, сколько стоит кружка с индивидуальной гравировкой? С тобой никакого бюджета не напасёшься!

Арина сняла очки и принялась их протирать. Это помогало не смотреть начальнику в глаза, когда тот краснел от злости.

— Я работаю над контролем, Марк Львович.

— Работай быстрее, Стеклова, и готовься к выезду. У нас новый клиент.

На стол перед ней легла папка: «Дело номер 1447-М. Гражданин К. Жалоба на спонтанную левитацию мебели». Ниже приписка красным маркером: «Срочно. Диван угрожает жизни».

— Почему я? — спросила Арина. — У нас есть полевые агенты. Ветров, например. Он «чистильщик». Пусть он едет.

— Ветров уже на выезде. У него бабушка в Южном Бутове. Вызвала демона через рисоварку. Демон мелкий, третьей категории, но бабушка требует компенсацию за испорченный рис.

— Тогда практикант...

— Практикант уволился.

Арина подняла брови.

— Уволился? Он же только вчера вышел.

— Ну, перегорел, Стеклова. Бывает такое в жизни. Сказал, что не готов работать в месте, где кофе-машина проклята сильнее склепа фараона, а начальник помнит Наполеона лично. Кажется, он преувеличивает. Наполеона я уже не помню.

Марк Львович развернулся на своих каблуках и скрылся в кабинете. Дверь захлопнулась сама собой. Арина осталась наедине с треснувшей кружкой и папкой «Гражданин К.».

Она раскрыла папку.

«Заявитель утверждает, что его любимый диван модели «Мальм» начал проявлять агрессию после того, как заявитель попытался на нём уснуть в рабочее время. Диван отказывается принимать горизонтальное положение, щёлкает пружинами и, по словам заявителя, осуждающе скрипит».

Арина закрыла папку. Потом открыла снова.

«Осуждающе скрипит» было подчёркнуто дважды.

— Я — менталист седьмого уровня, — произнесла она в пустоту. — Я могу внушить человеку что угодно. Могу заставить его забыть собственное имя. Могу убедить, что он — чайник. Я работаю с проклятиями такой силы, что у обычных магов волосы седеют. А я еду разбираться с диваном, который «осуждающе скрипит».

Арина накинула фирменный плащ — чёрный, с серебряной брошью в виде буквы «П» на лацкане — и направилась к выходу. Бабушка на вахте даже не подняла головы — то ли дремала, то ли принципиально не замечала никого моложе шестидесяти. Арина задержалась у двери, бросив взгляд на кофемашину.

— А с тобой я ещё разберусь, — пообещала она.

Одна из кнопок мигнула в ответ — то ли в знак принятия вызова, то ли в знак объявления войны.

Глава 1

Офис отдела «П.» располагался на первом этаже панельной девятиэтажки в районе Алтуфьево. Со стороны — обычное отделение МФЦ. Обшарпанная вывеска, терминал электронной очереди, эта бабушка на вахте, которая принципиально не замечала никого, пока не случится что-то интересное.

Настоящая табличка висела с внутренней стороны входной двери: «Министерство Магического Надзора. Отдел Паранойя. Специализация: бытовые, промышленные и стихийные проклятия. График работы: круглосуточно. Выходной: тринадцатое число каждого месяца (по техническим причинам)».

Арина вернулась в офис ближе к полудню — злая и пропахшая полиролью. Гражданин К. оказался не магом и не жертвой проклятия. Он оказался владельцем мебельного магазина, который решил решить проблему бракованной партии диванов через жалобу в Министерство. Диван не осуждал его. Диван был просто сломан. «Осуждающий скрип» оказался звуком перекошенной пружины.

— Фальшивый вызов, — бросила она бабушке на вахте. — Штрафуйте.

Бабушка кивнула и потянулась за своим излюбленным журналом учёта. В графе «Нарушитель» появилась запись: «К. — диванный мошенник».

В опенспейсе было тихо и пусто. Почти.

За одним из столов, закинув ноги на столешницу и прикрыв лицо старой газетой «Магический вестник», дремал человек в растянутом свитере.

Арина остановилась. Демонстративно кашлянула.

Ноль реакции.

— Ветров.

Газета шевельнулась. Из-под неё показался один глаз — серый, с ленивым прищуром.

— Стеклова, — произнёс Игнат Ветров, не меняя позы. — Ты вернулась. А я как раз читал отчёт о твоём выезде.

— Отчёт ещё не написан.

— Вот именно. — Он стянул газету с лица и сел, одним движением опустив ноги на пол. — Я прочитал твоё лицо, когда ты зашла. Знаешь, что оно говорит?

Арина сняла плащ и повесила на спинку стула.

— Что ты опять ничего не сделал за всё утро?

— Неправильно, Стеклова, оно говорит, что диван был невиновен.

Она замерла на полпути к своему столу.

— Откуда ты знаешь?

Ветров улыбнулся — широко, открыто, совершенно беззаботно. Русые волосы торчали в разные стороны, свитер был безнадежно мят, а на подбородке темнела щетина дня три как не бритого. Выглядел он как человек, который только что проснулся, но при этом был наполнен энергией до краёв.

— Твоё лицо, Стеклова, на нём же всё написано. Ты злая, а не уставшая. Если бы проклятие было настоящим, ты была бы уставшая. Раз ты пришла злая — значит, клиент идиот.

Арина не стала ничего отвечать. Она подошла к столу и принялась раскладывать папки — ровно, параллельно краю столешницы, с интервалом в сантиметр.

— Ты делаешь это, когда нервничаешь, — заметил Ветров.

— Я делаю это, когда вокруг бардак и одни идиоты.

— Как грубо. Я всего лишь творческий хаос.

— Ты — отчёт за прошлый месяц, который до сих пор не сдан.

Ветров вздохнул и потянулся, хрустнув суставами.

— Отчёты — это скучно. А скука убивает магию. Ты, как менталист, должна это понимать. Наши эмоции — топливо. Радость, страх, гнев...

— Ты предлагаешь мне радоваться несданному отчёту? Ты ведь даже не маг.

— Я предлагаю тебе расслабиться. — Он поднялся и в два шага оказался у стола Арины.

— Например, может быть, ну там, выпить кофе.

— Кофемашина же сломана.

— Уже нет.

Арина вскинула голову. Ветров стоял, прислонившись бедром к столешнице, и вертел на пальце маленькую отвёртку, как баскетбольный мяч.

— Я починил её. Пока ты ездила к своему гражданину с диванными проблемами.

— Ты? — скепсис в её голосе можно было намазывать на хлеб. — Ты же антимаг. Ты не можешь взаимодействовать с зачарованными предметами. Кофемашина зачарована, соответственно, она должна была тебя игнорировать.

— Именно. — Ветров расплылся в улыбке. — Она меня проигнорировала. А я проигнорировал её игнорирование. Взаимный нейтралитет, Стеклова. В итоге мы договорились.

— Ты договорился с кофемашиной?

— Ага. Обещал не просить больше эспresso. Она согласилась на американо. Дипломатия. Иногда она работает лучше заклинаний.

Арина не нашла, что ответить. Игнат Ветров был единственным известным ей человеком — и существом вообще, — который обладал абсолютной магической неуязвимостью. Его нельзя было проклясть, заколдовать, превратить во что-то неприличное, но смешное или внушить желание съесть какую-нибудь гадость. Заклинания обтекали его, как вода обтекает камень. И при всём этом он умудрялся договариваться с кофемашинами.

— Ладно, — сдалась она. — Давай американо.

— Уже готово. — Он извлёк откуда-то из-за спины кружку — целую, без единой трещины, — и поставил перед ней. — Пей. А потом я тебе кое-что покажу.

Арина взяла кружку и осторожно принялась. Кофе пах кофе: горячим, свежим, с едва уловимой горчинкой. Не фиалками, не жжёной карамелью, не болотной тиной. Просто хороший кофе.

— Что показать? — спросила она.

Ветров оглянулся на дверь кабинета Марка Львовича и понизил голос:

— Помнишь ту старушку из Южного Бутова? Которая с рисоваркой и демоном?

— Помню. Мелкий демон третьей категории. Ты должен был его изъять.

— Я изъял. Но не в этом дело. — Игнат придвинулся ближе. — Старушка рассказала кое-что интересное перед тем, как я стёр ей память о своём визите. В городе появилось что-то новое. Что-то странное.

Арина сделала глоток и прищурилась.

— Ветров, наш офис специализируется на бытовых проклятиях. Всё, что появляется в этом городе — странное. Ко мне вчера приходила женщина, которая утверждала, что её заколдовала подруга. Проклятие заключалось в том, что у неё начали расти грибы в ванной. Грибы. В ванной. Они ещё и пели.

— Пели?

— Русские народные. Хором. В три голоса.

Ветров присвистнул.

— И что ты сделала?

— Сняла проклятие. Грибы исчезли. Правда, ванная осталась без кафеля, но это уже не моя проблема.

— погоди. — Он нахмурился. — Почему без кафеля?

— Они его съели.

Ветров помолчал, переваривая полученную информацию, а затем тряхнул головой:

— Ладно, грибы — это впечатляюще. Но то, о чём рассказала старушка... Стеклова, это другое. Речь не об одном проклятии. Речь о целой волне. Она сказала, что некоторые слова в городе перестали работать.

Арина медленно опустила кружку на стол.

— Слова не работают. В каком смысле?

— В прямом. Люди говорят одно, а происходит другое. Или не происходит. Или происходит что-то, чего они вообще не хотели. Магия меняется.

Он выдержал паузу и добавил:

— Марк Львович в курсе. Он сказал передать тебе: совещание ровно через час. Это надолго. Будет что-то важное.

Арина сделала ещё глоток. Кофе больше не казался таким вкусным. Магия меняется. Слова перестают работать. Это звучало как начало плохой шутки. Или как начало очень, очень плохого дня.

Совещания у Марка Львовича никогда не предвещали ничего хорошего. Последний раз, когда он собирал весь отдел, они три дня разбирались с проклятием, которое заставляло людей говорить правду. Три дня. Город до сих пор вспоминал тот июнь с содроганием.

— Ладно, — сказала она, поднимаясь. — Пошли.

— Куда?

— К шефу, Ветров. Если то, что ты говоришь, правда — времени на кофе у нас больше нет.

Она направилась к кабинету Марка Львовича, но у двери обернулась.

— Ветров.

— М?

— Если это очередная твоя шутка...

— Стеклова, — он прижал руку к груди, изображая оскорблённую невинность, — когда я вообще шутил о работе? Да ещё и с тобой.

— В прошлый вторник. Когда сказал, что в подвале завёлся василиск.

— Это вообще не шутка была! Тогда я просто ошибся. Это оказался всего лишь очень злой хомяк. Так-то ничего себе!

Арина вздохнула и толкнула дверь кабинета.

Марк Львович сидел за столом, перебирая бумаги. Его лицо — обычно бесстрастное, как у человека, который видел слишком многое, чтобы чему-то удивляться, — сегодня выражало что-то новое. Что-то похожее на беспокойство.

— Закройте дверь, — сказал он, не поднимая головы. — Оба сядьте. Разговор будет долгим.

Арина и Ветров переглянулись. Даже Игнат не отпустил привычную шутку. Просто сел на стул и замолчал. Марк Львович отложил бумаги, сложил руки перед собой и поднял на них взгляд.

— В городе объявилось новое проклятие. Уровень пока не определён, но, судя по первым данным... скажем так, пятым уровнем тут не пахнет. Это что-то древнее. Что-то, что спало очень, очень долго.

Он помолчал.

— И оно связано со словами.

Арина почувствовала, как по спине пробежал холодок. Не тот, что бывает от сквозняка, а другой — глубокий, тягучий, какой бывает, когда менталист седьмого уровня понимает: грядёт что-то, к чему её не готовили.

— Что оно делает? — спросила она.

Марк Львович взял со стола исписанный лист бумаги, развернул к ним и тихо сказал:

— Оно делает слова правдой. Любые слова, сказанные вслух. Без фильтров. Без предохранителей. Без права на ошибку.

В кабинете повисла тишина. Такая глубокая, что было слышно, как на вахте бабушка перелистывает страницу журнала. Она ещё и кашлянула.

Ветров нарушил молчание первым:

— И какой у нас план-капкан?

Марк Львович посмотрел на него долгим взглядом, потом перевёл его на Арину и сказал то, от чего у неё внутри всё оборвалось:

— План простой. Вы вдвоём едете в самый эпицентр и притворяетесь парой.

Глава 2

В кабинете повисла тишина. Такая густая, что её, казалось, можно было резать ножом и подавать к чаю.

Арина моргнула. Раз. Другой. На третий она поняла, что Марк Львович вообще ни разу не шутит. Он вообще никогда не шутил. По крайней мере, в рабочее время. По крайней мере, с ней.

— Кем нам нужно притвориться? — переспросила она.

— Парой, — терпеливо повторил Марк Львович, словно объяснял ребёнку устройство будильника. — Мужчина и женщина, состоящие в романтических отношениях. В простонародье — влюблённые.

— Я знаю, что такое пара. Я не понимаю, зачем нам ею притворяться.

Ветров, который до этого сидел молча, издал звук, подозрительно похожий на смешок.

Арина медленно повернула голову.

— Серьёзно? Тебе смешно?

— Мне — он осёкся, встретившись с ней взглядом. — Мне просто интересно. Продолжайте, Марк Львович.

Начальник откинулся на спинку кресла. Кресло жалобно скрипнуло. Оно всегда скрипело, когда Марк Львович садился в него, но сегодня скрип звучал особенно зловеще.

— Эпицентр проклятия, — заговорил он, — находится в жилом доме старой постройки. Доходный дом купца Сорокина, улица Пятницкая, сорок четыре. Семь этажей, пятьдесят две квартиры, три подъезда. Построен в тысяча девятьсот втором году. Архитектор — некий Фёдор Шехтель, но это не точно.

— Это важно? — перебил Ветров. — Про архитектора?

— В нашем деле всё важно. Особенно когда речь идёт о проклятии, которое делает слова реальностью. Представь, что ты скажешь: «Провалиться мне на этом месте», — и провалишься. Или: «Чтоб тебя разорвало», — и

— Я понял, — быстро сказал Ветров. — Понял. Продолжайте.

Марк Львович кивнул и взял со стола тонкую папку. Раскрыл.

— Дом купца Сорокина — не просто старая постройка. Это место силы. Сложная система стабилизации магического фона, встроенная прямо в фундамент и стены. Архитектор — маг, работавший под прикрытием. Строил так, чтобы дом «гасил» магические колебания. Своего рода громоотвод для проклятий.

— И что же сломалось? — спросила Арина.

— Ничего не сломалось. Оно работает. Но его мощности не хватает. Проклятие слишком сильное. По предварительным данным, стабилизаторы держат его, но на пределе. Ещё немного — и здание превратится в воронку. А затем воронка расширится.

Он помолчал и добавил:

— До размеров города.

Ветров присвистнул.

— И как туда вписываемся мы?

— Чтобы усилить стабилизаторы, нужен источник магии. Но не простой. Нужен резонанс. Два мага, чьи способности находятся на противоположных концах спектра, но при этом как бы сказать

Марк Львович замялся, подбирая слово. Арина никогда не видела, чтобы он мялся. Это пугало сильнее, чем всё, что она слышала от него до этого.

— Совместимы, — закончил он. — Вы совместимы. По магическому профилю. Стеклова — менталист с нестабильным даром, склонным к спонтанным проклятиям при эмоциональной перегрузке. Ветров — абсолютный антимаг, магическая пустота, ходячий нейтрализатор. Теоретически, при тесном взаимодействии вы можете создать идеальный баланс. Ровно то, что нужно, чтобы запитать стабилизаторы и удержать проклятие.

— Теоретически, — подчеркнула Арина.

— Практически мы проверим уже совсем скоро. Есть крайний срок, до которого дом продержится без внешней подпитки. У вас есть всего-навсего три дня.

— Почему три дня?

Марк Львович посмотрел на часы — старинные, с римскими цифрами, доставшиеся ему, по слухам, от кого-то, кто их уже не носил, что логично.

— Потому что через четыре дня проклятие выйдет за пределы здания. А через пять — за пределы района. Дальше можете считать сами.

Никто, конечно же, не стал считать. Цифры и так получались неутешительными.

— Хорошо, — нарушила молчание Арина. — Допустим, мы едем в эпицентр. Допустим, мы — «баланс». Но для чего притворяться парой? При чём здесь вообще это?

Марк Львович вздохнул. Так вздыхает человек, который очень хотел бы не отвечать на этот вопрос.

— Дом не просто стабилизирует магический фон. Он делает это через жильцов. Через их эмоции. Через связи между ними. Это старая магия, Стеклова, очень старая. Дом питается отношениями. Чем крепче связь — тем сильнее защита. И наоборот. Если в доме поселится разобщённая пара — стабилизаторы дадут сбой. Если пара будет гармоничной — система выдержит. Гармоничный резонанс получается.

— Гармоничной, — повторила Арина. — Мы с Ветровым. Гармоничная пара. Вот и приехали.

— Ну, не обязательно прямо сразу, — подал голос Ветров. — Мы же можем постепенно. День за днём. Вот, смотри: сегодня мы просто мило улыбаемся друг другу. Завтра — держимся за руки. Послезавтра

— Ветров, — сказал Марк Львович. — Помолчи в сторонке.

Ветров замолчал. Но улыбка с его лица никуда не делась. Она просто стала чуть менее заметной. Арина, напротив, чувствовала, как внутри закипает раздражение. Не то, от которого трескаются кружки. Другое. Медленное, тягучее, с привкусом несправедливости.

— А другие кандидатуры? — спросила она. — Почему именно мы?

— Потому что других нет, — ответил Марк Львович. — Я проверил реестр. В радиусе досягаемости нет ни одной совместимой пары магов с нужным спектром. Вы — единственные.

— А как же вы? Вы могли бы

— Я не могу покинуть офис, — произнёс Марк Львович. — Не «не хочу». Не «не считаю нужным». Не могу. Физически. Я привязан к контуру этого здания. Да и где мне найти пару?

В кабинете повисла тишина — совсем не такая, как раньше. Эта была тяжелее.

— В каком смысле — привязаны? — спросил Ветров. Его голос потерял привычную насмешку.

— В прямом. Мой резерв уходит на поддержание контура офиса. Но дело не только в резерве. Моя жизнь — он помедлил, подбирая слово, — моё существование связано с этим местом. Если я покину здание больше чем на сутки, контур рухнет. Триста активных бытовых проклятий, которые мы сдерживаем, вырвутся наружу одновременно. И это не считая того, что случится со мной.

— Что случится? — спросила Арина.

— Я исчезну, — сказал Марк Львович спокойно, словно речь шла о погоде. — Перестану существовать. Это плата за долгую жизнь. Очень долгую. Неужели вы не замечали? Всё это время?

— Я думал, вы просто задерживаетесь, а потом ещё и раньше всех приходите. Думал, у вас тяжёлая степень трудоголизма.

Марк Львович осуждающе взглянул на Игната. Он выдержал паузу и продолжил уже деловым тоном:

— Поэтому на Пятницкую едете вы. Поэтому именно вы. И поэтому я прошу вас отнестись к делу серьёзно. Это не обычный выезд. И вы — не обычная пара. Дом чувствует такие вещи. Он позвал вас не случайно.

— Позвал? — переспросила Арина.

— Старые дома, особенно построенные магами, обладают интуицией. Они чувствуют потенциал. Ваш потенциал — в ваших противоположностях. Менталист, который теряет контроль, и антимаг, который вообще не чувствует магию. Вы как две половины сломанного ключа. По отдельности — бесполезны. Вместе — можете открыть любую дверь. Или закрыть.

Он закрыл папку и пододвинул её к Арине.

— Здесь материалы. План квартиры, которую вы снимете. Легенда для соседей. Аванс на расходы. И билеты на такси.

— Такси? — переспросил Ветров. — А портал?

— В районе Пятницкой порталы не работают. Проклятие глушит. Придётся ехать человечески.

Ветров вздохнул. Видимо, перспектива ехать через пробки расстраивала его сильнее, чем угроза магического коллапса. Арина взяла папку. Руки не дрожали. Это было хорошим знаком. Когда руки дрожали, означало, что должно произойти что-то ужасное. Когда происходило ужасное, начинались проблемы.

— Когда выезжать? — спросила она.

— Завтра утром. Сегодня — собрать вещи, изучить материалы, выспаться. Завтра в восемь ноль-ноль такси будет у твоего дома.

— У моего? Почему у моего?

Марк Львович посмотрел на неё с выражением, которое она про себя называла «я слишком стар для этих объяснений».

— Потому что по легенде вы живёте вместе. Последние полгода. Познакомились на конференции по артефакторике. Роман развивался стремительно. Соседи должны поверить. Поэтому начиная с завтрашнего утра вы — пара.

Он перевёл взгляд на Ветрова.

— Игнат Павлович, ты меня слышишь? Пара. Не коллеги, не друзья по несчастью, не случайные знакомые. Пара. Влюблённые. В отношениях. С совместным бытом, общими планами на выходные и вот этим всем.

— Я понял, — кивнул Ветров. — Совместный быт. Общие планы. Вот это вот всё.

— И прекрати улыбаться. Это вызывает подозрения. Ты выглядишь как идиот.

Ветров перестал улыбаться. На три секунды. Арина встала. Папка в руках весила как кирпич. Или, может быть, это метафора. Метафоры в последнее время вообще имели тенденцию материализовываться.

— Разрешите идти? — спросила она.

— Идите. Оба. И постарайтесь не поубивать друг друга до завтрашнего утра. Это приказ.

Коридор встретил их привычным запахом пыли и старой бумаги. Вахта пустовала — бабушка ушла на обед. Фигус в углу опенспейса стоял неподвижно, прикидываясь обычным растением. Арина остановилась у своего стола и принялась собирать вещи. Ноутбук, зарядка, блокнот с записями. Ручка, которую она в прошлом месяце случайно зачаровала на вечное письмо (теперь ею можно было писать под водой, в невесомости и даже во сне, что Арина выяснила опытным путём). Ветров стоял рядом, прислонившись плечом к стене, и молчал. Это было настолько нехарактерно для него, что Арина не выдержала и подняла голову.

— Что? — спросила она. — Даже ты не нашёл повода для шутки?

— Я думаю.

— О, а это уже становится опасно.

— Я серьёзно, Стеклова, — он отлип от стены и шагнул ближе. — Это задание оно какое-то странное. Не похоже на обычный выезд.

— Все выезды странные. Мы работаем с проклятиями. Это наша работа.

— Нет. Это другое, — Ветров нахмурился. — Марк Львович говорил об этом слишком спокойно. Он знает больше, чем сказал. И он никогда не рассказывал нам, что привязан к офису. Никогда. За два года — ни слова.

— Может, не хотел пугать.

— Может. А может, — Ветров понизил голос, — кто-то наверху знает об этом проклятии больше, чем говорит нам. И мы едем туда не просто как агенты, а как приманка. Или как подопытные. Или и то, и другое.

Арина застегнула сумку резким движением.

— Если ты прав, — сказала она, — то у нас тем более нет выбора. Задание есть задание.

— Выбор есть всегда.

— Например?

— Например, мы можем выполнить его хорошо и вернуться обратно. Живыми и здоровыми. Назло всем.

Он улыбнулся. На этот раз — не насмешливо, а почти тепло. Почти по-человечески.

Арина вздохнула:

— Ладно. Встречаемся завтра у моего дома. В семь сорок пять. Не опаздывай.

— Я? Опоздать? — Ветров изобразил оскорблённую невинность. — Стеклова, ты меня с кем-то путаешь.

— Я тебя ни с кем не путаю. Именно поэтому и говорю: не опаздывай.

Она повесила сумку на плечо и направилась к выходу. У двери обернулась:

— Ветров.

— М?

— Если мы действительно едем туда как подопытные ты сможешь меня прикрыть? Если что-то пойдёт не так?

Он посмотрел на неё. Долго. Слишком долго для обычного ответа.

— Стеклова, — сказал он наконец. — Я антимаг. Меня нельзя заколдовать, проклясть или превратить во что-то. Если что-то и пойдёт не так — я буду единственным, кто останется на ногах. Конечно же, я тебя прикрою.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда до завтра.

— До завтра.

Она толкнула дверь и вышла на улицу.

Дождь закончился. В воздухе пахло мокрым асфальтом и надвигающейся грозой.

Где-то в старом доме на Пятницкой уже просыпалось проклятие, которое делало слова правдой.

И оно ждало их.

Глава 3

Квартира Арины располагалась на шестом этаже панельной четырнадцатизнарядки в районе Отрадное. Лифт не работал — то ли сломался, то ли был проклят (Арина не проверяла и проверять не хотела). Приходилось подниматься пешком, считая ступеньки и надеясь, что ни одна из них не превратится в батут или, скажем, в портал в иное измерение.

Сегодня лестница вела себя прилично.

Она открыла дверь, вошла, сбросила туфли и замерла на пороге. Квартира встретила её привычной тишиной. Но что-то было не так. Арина прищурилась. На кухонном столе лежал конверт. Она точно помнила, что утром никакого конверта не было. Она точно помнила, что утром она вообще ничего не оставляла на столе, кроме пустой кружки. Конверт был белый. Без марок. Без обратного адреса. Только имя: «Арине Стекловой». Она подошла медленно. Очень медленно. Магический фон вокруг конверта был странным — не угрожающим, но незнакомым. Он пах так, как пахнут духи от проходящей мимо женщины — вроде бы приятно, но ты не знаешь, кто она и куда идёт.

Она вскрыла конверт.

Внутри лежал лист бумаги. Одна фраза, написанная от руки. Почерк — чёткий, почти каллиграфический, с наклоном влево. Арина не узнала этот почерк.

«Они знают, кто ты. Будь осторожна. Не доверяй антимагу».

Арина перечитала записку трижды. Потом ещё раз. Бумага не исчезла. Не вспыхнула. Просто лежала в руках — обычная, чуть шероховатая на ощупь, с водяным знаком в виде буквы «П». Она сложила лист пополам. Убрала обратно в конверт. Конверт положила в карман плаща.

«Не доверяй антимагу».

Кому же ещё, подумала она, как не ему? Он — единственный, кого она знает. Единственный, кто может её прикрыть. Или это и есть ловушка?

Она прошла в комнату и села на диван. Диван под ней не скрипел, не осуждал. Просто был обычным диваном. Хороший диван.

Итак, факты.

Первое: кто-то знает о задании. Кто-то за пределами отдела.

Второе: этот кто-то предупреждает её. Или запутывает.

Третье: Ветров. Что она вообще о нём знает? Он работает в отделе два года. Абсолютный антимаг. Балагур. Бездельник. Раздолбай. Иногда придурак. Человек, который договаривается с кофемашинами. Что ещё?

Ничего. За все эти годы совместной работы она не знала о нём ничего.

Арина закрыла глаза и попыталась успокоиться. Вдох. Выдох. Новый, чистый лист бумаги. Один, два, три Где-то на шестом вдохе зазвонил телефон. Она открыла глаза и взглянула на экран. Номер не определён.

Арина поколебалась секунду и нажала кнопку «Принять звонок».

— Стеклова, — раздался в трубке голос Марка Львовича. — Всё в силе на завтра?

— Конечно, Марк Львович.

— Ветров предупреждён?

— Естественно.

— Отлично. Вот ещё кое-что, — Марк Львович помолчал. — В доме на Пятницкой есть подвал. По документам это обычное техническое помещение, но я нашёл старые чертежи. Там должен быть ещё один этаж, который ниже подвала. Ты понимаешь, о чём я? — Подземный ярус, — сказала она. — Которого нет в новых планах.

— Именно так. Не спускайтесь туда без крайней необходимости. Сначала разберитесь с проклятием, потом — всё остальное. Это понятно?

— Принято.

— Тогда до связи.

Гудки.

Арина опустила телефон на колени и уставилась в стену. Подземный ярус. Неизвестный доброжелатель. Антимаг, которому нельзя доверять. Проклятие, делающее слова реальностью. И это только подготовка. Завтра будет интересный день.

Глава 4

Утром Арина стояла у своего подъезда, кутаясь в плащ, и смотрела на пустую дорогу. Такси опаздывало уже на двадцать две минуты. Утро выдалось серым и промозглым — типичный ноябрь, когда небо висит так низко, что кажется, можно дотянуться до него рукой и зачерпнуть облака. Часы на телефоне показывали восемь ноль семь. Такси должно было приехать в семь сорок пять. Двадцать две минуты. Для обычного человека это мелочь. Для менталиста седьмого уровня с нестабильным даром это двадцать две минуты наедине с собственными мыслями. А мысли у Арины Стекловой с недавних пор имели неприятное свойство материализовываться. Арина попыталась подумать о чём-то нейтральном. Например, о погоде. Погода — это безопасно. Погода никого не проклинает. Хотя это тоже смотря какая и когда.

— Ты сегодня рано, — раздался голос сзади.

Арина обернулась.

Ветров стоял в трёх шагах — как всегда, неизвестно откуда взявшийся. Растянутый свитер сменился на чуть менее растянутый джемпер тёмно-зелёного цвета. Волосы всё так же торчали в разные стороны, но щетина исчезла — видимо, наконец-то побрился. Через плечо перекинута спортивная сумка. В руке — два бумажных стаканчика.

— А ты, как всегда, опоздал, — сказала она.

— Я никогда не опаздываю, Стеклова, — он протянул ей один из стаканчиков. — Я задерживаюсь ровно настолько, чтобы успеть купить кофе. Это, кстати, тебе. Держи.

Арина взяла стаканчик, и от него повеяло приятным ароматом кофе. Кофе был горячим, свежим, с лёгкой горчинкой. Отличный утренний кофе.

— Спасибо, — сказала она.

Ветров изобразил поклон.

— Ого. Благодарность. Кажется, день сегодня будет необычным.

— День сегодня будет очень необычным, да ещё и долгим, — поправила она. — Ты вообще читал материалы, которые нам вчера выдали?

— Конечно, читал, — он отхлебнул кофе и поморщился. — Я даже трижды перечитал. Особенно раздел «Рекомендации по совместному проживанию». Знаешь, что там написано?

— Ну, давай, удиви меня.

— Цитирую: «Для успешного выполнения миссии агентам рекомендуется проявлять взаимную заботу и внимание. Совместные приёмы пищи, прогулки и беседы на отвлечённые темы способствуют укреплению магического резонанса». Конец цитаты. Стеклова, ты когда-нибудь проявляла ко мне заботу? Хотя бы раз?

— В прошлом месяце я не прибила тебя, когда ты пролил чай на мой отчёт. Сойдёт за заботу?

— Это не забота, Стеклова. Это профессиональная выдержка.

Арина сделала глоток. Кофе действительно был хорош.

— Мы должны изображать пару перед соседями, — сказала она. — А не друг перед другом. Соседи — вот кто наша аудитория. Им нужно поверить. А мы мы просто коллеги, выполняющие задание. Не усложняй, Ветров.

— Я не усложняю. Я просто уточняю границы. — Он сделал паузу. — Кстати, о границах. Ты не против, если я буду называть тебя Ариша? Для убедительности.

Арина поперхнулась.

— Это ещё с чего вдруг такие привилегии?

— Ну, «Арина» звучит официально, как-то серьёзно. А «Ариша» — по-домашнему, тепло. Представь: встречается мне соседка или сосед и спрашивает, как тебя зовут. Я такой:

«Это моя Ариша, она обожает герань». И всё. Образ создан. Мы — милая пара с общим увлечением комнатными растениями.

— Я не люблю герань.

— Это всё детали, Стеклова. Стерпится — слюбится.

Она открыла рот, чтобы возразить, но в этот момент из-за поворота вынырнула машина — серый седан с шашечками на крыше.

— Наконец-то, — выдохнула Арина.

Водитель — пожилой мужчина в кепке, надвинутой на глаза, — молча открыл багажник. Арина забросила свою сумку первой. Ветров, помедлив, пристроил свою рядом. Крышка багажника захлопнулась с глухим стуком. В салоне пахло ароматизатором «ёлочка» и ещё чем-то кисловатым — то ли старым кофе, запах которого уже вьелся, то ли пролитой на обивку газировкой.

Арина села назад, за водительское кресло. Ветров — следом, с другой стороны. Между ними легло пустое пространство сиденья — без баррикад, без сумок, просто продавленная обивка и чей-то забытый чек из супермаркета.

Машина тронулась.

Первые десять минут прошли в тишине. За окном проплывали серые панельные многоэтажки, потом они сменились кирпичными пятиэтажками, потом — старыми особняками. Район Алтуфьево остался позади. Впереди был центр.

— Расскажи мне о доме, — нарушила молчание Арина.

Ветров повернул голову.

— Так ты же читала материалы.

— Я хочу услышать твою версию.

— Мою версию? — Он откинулся на сиденье. — Хорошо. Дом купца Сорокина. Построен в тысяча девятьсот втором году. Стиль дома — модерн с элементами неоготики. Самое высокое здание на Пятницкой на тот период постройки. Семь этажей, не считая подземного яруса.

— Ты уже знаешь про подземный ярус?

— Марк Львович звонил мне сегодня утром. Сказал, чтобы мы были осторожны и не совались туда без необходимости. Кстати, — он понизил голос, хотя водитель вряд ли мог их слышать сквозь звук радио, — ты не находишь это странным? Почему он не упомянул подвал вчера? Почему позвонил именно сегодня?

Арина вдруг вспомнила про конверт: «Не доверяй антимагу».

— Не знаю, — сказала она. — Может, просто не хотел перегружать нас лишней информацией на ночь.

— Может быть, — Ветров не выглядел убеждённым. — А может, кто-то не хочет, чтобы мы знали о доме всё до того, как туда войдём.

Арина промолчала.

Машина свернула на Пятницкую. Улица была узкой, застроенной старыми домами с лепниной и эркерами. Деревья вдоль тротуара стояли голые, чёрные на фоне серого неба. Прохожих на улице почти не было.

— Приехали, — объявил водитель.

Машина остановилась. Арина вышла первой. Ветров — за ней.

Дом купца Сорокина возвышался над Пятницкой, как старый, но всё ещё крепкий страж. Семь этажей тёмного кирпича. Маскароны в виде женских лиц над окнами второго этажа. Эркеры, балконы, чугунные решётки. И башенка — неожиданная, круглая, с высоким шпилем. Словно архитектор в последний момент вспомнил, что строит не просто доходный дом, а нечто большее.

— Какой красавец, — сказал Ветров, вылезая из машины. — Жаль, что проклят.

— Всё в этом городе так или иначе проклято, — ответила Арина. — Вопрос только в степени проклятия.

Водитель такси выгрузил сумки на тротуар, буркнул что-то неразборчивое себе под нос и уехал. Арина взяла свою сумку и направилась к подъезду.

Дверь была тяжёлой, дубовой, с бронзовой ручкой в виде змеи, кусающей собственный хвост. Арина потянула ручку на себя. Дверь открылась бесшумно, словно её петли смазывали вчера.

Внутри пахло старым деревом, чуть-чуть — пылью и чем-то ещё. Чем-то, что Арина не могла определить. Не магия — по крайней мере, не та магия, с которой она привыкла работать. Скорее — эхо магии. Слабый отзвук, как гул колокола после того, как сам колокол уже замолчал.

Холл был просторным. Пол выложен шахматной плиткой — чёрное с белым, — но узор был нарушен: кое-где плитки сменили цвет, словно кто-то перепутал их при укладке и не стал исправлять. Широкая лестница вела вверх, разделяясь на втором этаже на два крыла. Под лестницей темнела дверь, ведущая во внутренний двор.

— Стеклова, — тихо позвал Ветров.

Она обернулась.

Он стоял у стены, где висели почтовые ящики. Их было около двадцати — стандартный ряд металлических коробок с прорезями для писем. Но три из них выделялись. Арина не сразу поняла, чем именно, а когда поняла — подошла ближе.

Металл вокруг прорезей был оплавлен. Не смят, не разорван — именно оплавлен, словно кто-то провёл по нему пальцем, и железо потекло, как воск со свечи. Края застыли неровными наплывами. Внутри одного из ящиков что-то темнело — не письмо, не газета, а какая-то бесформенная масса.

— Свежее, — сказал Ветров. — Запах гари ещё висит в воздухе. Чувствуешь?

Арина принялась. Да. Слабый, едва уловимый запах. Так пахнет паяльник после работы или проводка за секунду до короткого замыкания.

— Это случилось недавно. Возможно, сегодня ночью. Или даже утром.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что запах выветривается, — он провёл ладонью над ящиками, не касаясь их. — Через пару часов здесь будет пахнуть только пылью. А сейчас пахнет гарью. Значит, это произошло не раньше, чем два-три часа назад.

Арина присела и внимательно осмотрела оплавленный край. След от пальца. Отчётливый, будто его оставили специально. Один палец. Возможно, указательный.

— Кто мог это сделать? Да и зачем?

— Это точно не жилец данного заведения, — ответил Ветров. — По крайней мере, не человек. У человека нет такой температуры тела, которая способна плавить железо.

— Ты проверял?

— Я читал. Температура плавления стали — около полутора тысяч градусов. Даже у магов руки до таких температур не нагреваются. Если только этот маг не специализируется на тепловых заклинаниях, но тогда вокруг всё было бы в саже. А здесь чисто. Только оплавленный металл и запах. Странно.

Арина выпрямилась. Внутри неё что-то заворочалось — предчувствие. Она не любила свои предчувствия. У менталистов седьмого уровня они часто сбывались.

— Значит, в доме есть кто-то, кто плавит железо прикосновением пальца, — подвела она итог.

— Да ты сама очевидность, Стеклова! А ещё этот кто-то проверял почту, давай просто перечислять факты по кругу снова и снова, — добавил Ветров. — Интересно только, чья же почта вызвала такой интерес?

За спиной скрипнула дверь. Они обернулись одновременно.

Из квартиры справа от входа выглянула старушка. Маленькая, сухонькая, в тёмном платье с белым воротничком. Седые волосы убраны в пучок. Глаза — светлые, выцветшие, но острые, как у птицы, которая слишком много видела и слишком мало забыла.

— Здравствуйте, — сказала она. — А я смотрю — кто это тут у нас шаркается? Вы новые жильцы, да?

Арина выпрямилась.

— Здравствуйте. Да, мы

— А я вас ждала, — перебила старушка. — Марк Львович звонил, предупредил. Сказал, что приедут двое. Муж и жена. Молодая пара.

Она перевела взгляд на Ветрова и чуть заметно улыбнулась.

— Хорошенький какой. А вы, значит, Ариша?

Арина замерла.

Ветров, стоявший за её спиной, издал звук, похожий на сдвленный кашель.

— Я — Арина, — сказала она. — Просто Арина.

— А я — Лидия Петровна, — старушка шагнула в холл. — Здешняя старожилка. Живу в этом доме пятьдесят два года. За это время здесь сменилось одиннадцать консьержей, трое жильцов сошли с ума, а в подвале дважды находили то, чего там быть не должно. Впрочем, не важно, я заболталась. Вам, наверное, интересно посмотреть квартиру.

— Очень интересно, — сказал Ветров. — Но сначала расскажите про ящики. Вы не знаете, кто мог их так повредить?

Лидия Петровна перевела взгляд на почтовые ящики и вздохнула.

— А это наш местный полтергейст. Или не совсем полтергейст. Я ещё не определилась. Появился недели две назад. Шумит по ночам, передвигает вещи, пугает жильцов. Вчера вот добрался до ящиков. Хотя... — она прищурилась и подалась вперёд, разглядывая оплавленный металл. — Вчера они были просто смяты. А это уже что-то новое. Раньше такого не было.

Арина переглянулась с Ветровым. Тот едва заметно покачал головой: не сейчас.

— И часто здесь такое происходит? — спросила Арина.

— Здесь — постоянно. Это же дом купца Сорокина. Он с секретом строился. Говорят, архитектор был масоном. Или магом. Или и тем, и другим. В общем, построил так, что дом стоит на пересечении каких-то там линий. Энергетических. Или магических. Не знаю, я в этом не разбираюсь. Но знаю точно: здесь никогда не бывает скучно.

Старушка улыбнулась, и Арина заметила, что улыбка у Лидии Петровны — не старческая, мягкая и беззубая, а совсем другая. Острая, как лезвие, спрятанное в бархатных ножнах.

— Пойдёмте, — сказала старушка. — Покажу вам вашу квартиру. Четвёртый этаж. Окна во двор. Соседи тихие, по крайней мере — с этой стороны. А с другой стороны живёт Иван Аркадьевич, но он глуховат, так что тоже не проблема.

Она засемила к лестнице, и Арина с Игнатом, переглянувшись, последовали за ней.

— Кстати, — бросила Лидия Петровна через плечо, — а давно вы вместе?

— Полгода, — ответила Арина.

— Лукавите, — произнесла старушка, даже не обернувшись. — Но это ничего. В этом доме все врут. Главное — чтобы ложь была хорошая. А ваша — хорошая. Почти даже правдивая. Но только почти.

Лидия Петровна остановилась на площадке второго этажа и посмотрела на Арину с Игнатом сверху вниз.

— Вы по делу, насколько я понимаю. По важному. Но запомните одну вещь: дом не любит, когда в него приходят с корыстью. Дом любит, когда в него приходят с сердцем. Если вы здесь по зову долга — он вас вытерпит. Если по зову сердца — поможет. А если по расчёту

Она не договорила. Вместо этого развернулась и продолжила подъём.

Арина стояла на ступеньках, чувствуя, как где-то глубоко внутри зарождается тревога. Медленная, глубинная, как гул далёкого землетрясения.

— Стеклова, — тихо сказал Ветров.

— Что?

— Она знает.

— Знает что?

— Всё. Или почти всё. И она нас предупредила.

Он помолчал и добавил, понизив голос до шёпота:

— А теперь самое интересное. Ты заметила, что у неё нет магического следа?

Арина замерла.

Действительно. Лидия Петровна не излучала магию. Вообще. Ни капли. Обычный человек фонит хотя бы немного — эмоции, мысли, обрывки желаний, аура. А эта старушка была пуста, как выключенная лампочка. При этом она знала о доме то, чего не знал даже Марк Львович. Либо же он просто им не всё рассказал.

— Добро пожаловать в дом купца Сорокина, — прошептал Ветров. — Кажется, нас здесь ждали.

Глава 5

Квартира номер семнадцать располагалась на четвёртом этаже, в конце длинного коридора с высокими потолками и лепниной по карнизам. Пол здесь был устлан уже не плиткой, а старым паркетом, который поскрипывал под ногами, но не раздражающе, а скорее уютно — как половицы в деревенском доме, где прошло детство и куда хочется вернуться.

Лидия Петровна остановилась у двери, достала из кармана платья связку ключей и принялась перебирать их узловатыми пальцами. Ключей было много — штук десять, не меньше, — и все они выглядели старыми, с длинными бородками и потёртой латунью.

— Значит так, — сказала она, не оборачиваясь. — Квартира пустовала два года. Предыдущие жильцы съехали внезапно. Говорили, что нашли работу в другом городе, но я-то знаю — они просто испугались.

— Чего испугались? — спросил Ветров.

— А этого никто не знает. Они мне не сказали. Просто собрали вещи за одну ночь и уехали. Даже мебель свою оставили. Я заходила проверять квартиру — всё на месте. Такое ощущение, будто люди вышли за хлебом и не вернулись.

Лидия Петровна нашла наконец нужный ключ и вставила его в замочную скважину. Замок щёлкнул — раз, второй, третий. Три оборота. Кто-то очень не хотел, чтобы в эту квартиру входили без спроса. По крайней мере, так ощущалось.

Дверь открылась.

Внутри было темно. Шторы задёрнуты, свет не горел, и единственное, что различал глаз — смутные очертания мебели в глубине комнаты. Пахло пылью, старыми обоями и чем-то ещё, чем-то сладковатым, как засохшие духи.

— Проходите, — сказала Лидия Петровна и первой шагнула через порог.

Арина вошла следом. Ветров — за ней. Он закрыл дверь, и в прихожей сразу стало тихо — так тихо, что было слышно, как наверху, пятым этажом выше, кто-то передвигает стул. Прихожая была маленькой, но уютной. Вешалка на три крючка. Зеркало в тяжёлой раме, потемневшее от времени — в нём Арина увидела своё отражение, но какое-то нечёткое, словно смотрела сквозь воду. Полка для обуви. И дверь, ведущая вглубь квартиры.

— Располагайтесь, — сказала Лидия Петровна. — Я зайду позже, проверю, как устроились. Если что — я в первой квартире, сразу у входа. Стучите в любое время. Я почти не сплю.

— Почему? — спросил Ветров.

— А зачем? — старушка улыбнулась своей острой улыбкой. — Во сне время летит быстро. А я не люблю, когда быстро. Мне нравится, когда медленно. Когда можно всё разглядеть, обо всём подумать.

Она кивнула на прощание и вышла, плотно прикрыв за собой дверь. Её шаги — лёгкие, почти бесшумные — удалились по коридору и стихли.

Ветров повернулся к Арине.

— Ну что, Ариша? — он выделил последнее слово с особым удовольствием. — Посмотрим наше гнездышко?

— Назови меня так ещё раз, — сказала Арина, — и я...

— Что? Проклянёшь? — он улыбнулся. — Не выйдет. Я антимаг, забыла?

— Я что-нибудь придумую.

— Не сомневаюсь.

Арина прошла в гостиную и отдернула шторы.

Свет хлынул в комнату, и квартира перестала быть тёмной и загадочной. Теперь она была просто старой. Высокие потолки с лепными розетками, массивная люстра на шесть ламп, дубовый паркет, кое-где потёртый, но всё ещё крепкий. У стены — диван с высокой спинкой, накры-

тый пыльным чехлом. Книжный шкаф, пустой. Обеденный стол на четыре персоны. И камин — настоящий, с чугунной решёткой и мраморным порталом, украшенным резными фигурками каких-то крылатых существ.

— Неплохо, — сказал Ветров, оглядываясь. — Я ожидал худшего.

— Чего именно?

— Ну, знаешь. Кровавых пятен на стенах. Цепей, свисающих с потолка. Может, скелета в шкафу. Стандартный набор для проклятого дома.

— Это не проклятый дом. Это дом с магической аномалией.

— А разница в чём?

— Проклятие — это направленное воздействие. Аномалия — это нарушение фона. Она ни на кого не направлена, но в то же время влияет на то, что рядом. Она как бы просто есть.

Ветров хмыкнул и направился к камину. Присел на корточки, заглянул внутрь.

— Сажа свежая, — сообщил он. — Кто-то топил камин. Неделью назад. Может, две.

— Лидия Петровна сказала, что здесь никто не жил два года.

— Значит, кто-то всё-таки заходил. И не просто заходил — находился.

Арина подошла к книжному шкафу. Провела пальцем по полке — пыли почти не было. Странно. Если квартира пустовала два года, пыли должно было накопиться гораздо больше. А здесь — тонкий слой, словно кто-то протирал поверхности.

— Тут явно кто-то был, — сказала она. — И причём недавно.

— Я же говорю.

— Но Лидия Петровна...

— Лидия Петровна знает больше, чем говорит, — перебил Ветров. — Она нас ждала. Она знала наши имена. Точнее, — он усмехнулся, — твоё имя. Ариша.

Арина поморщилась.

— Это Марк Львович её предупредил. Она же сама сказала.

— Да. Но он не мог предупредить её обо мне, точнее о том, кто я. Подумай. Она сказала: «Марк Львович звонил, предупредил. Сказал, придут двое. Муж и жена». Но она не спросила, кто из нас кто, в том плане, что я бы мог оказаться кем угодно — таксистом, который помогает тебе занести вещи, или братом, или просто каким знакомым. Она сразу обратилась к тебе. Сразу назвала тебя по имени. А меня просто назвала «хорошеньким». Как будто она знала, что главная цель здесь — ты. Понимаешь, о чём я?

Арина задумалась. В словах Ветрова была какая-то логика. Но эта логика ей не нравилась. Действительно, а вдруг Ветров — это не муж, а брат или знакомый? Почему старушка не уточнила? Хотя она же спросила, давно ли они вместе. Странно. Ветров все мозги запудрил.

— Есть ещё кое-что, — добавил он. — Ты заметила, что у неё нет магического следа?

— Заметила. Ты уже спрашивал.

— И что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что она не человек. Или не совсем человек. Или когда-то была человеком, а потом перестала.

— Хорошие варианты. Мне нравится третий.

Он поднялся с корточек и отряхнул руки.

— Ладно. Предлагаю пока не ломать голову над загадками, а осмотреть квартиру. Вдруг здесь найдётся что-то интересное. Кроме камина со свежей сажей.

Арина кивнула. Она повесила плащ на вешалку в прихожей и начала обход.

Квартира была небольшой, но запутанной. Анфилада комнат — гостиная, спальня, кабинет, — соединённых между собой дверьми. Кухня — отдельно, с выходом на чёрную лестницу. Ванная комната с допотопной чугунной ванной на львиных лапах. И чулан — тёмный, заставленный какими-то коробками и старой мебелью.

В спальне стояла двуспальная кровать с резной спинкой. Одна. На двоих.

— Прекрасно, — сказала Арина, глядя на кровать.

— Стеклова, а ты на что рассчитывала? — отозвался Ветров из гостиной. — Мы же с тобой муж и жена. Все в курсе, что у мужа и жены одна кровать. Это традиция.

— Я не твоя жена, Ветров.

— С сегодняшнего дня — моя. По легенде. Так что привыкай.

Арина заглянула в шкаф, там было пусто. Только пара старых вешалок и запах нафталина. Она уже собиралась закрыть дверцу, когда заметила одну любопытную вещь на верхней полке.

Тетрадь.

Обычная, школьная, в клетку. Потрёпанная, с загнутыми уголками. Арина достала её и раскрыла на первой странице.

Почерк был мелким, убористым, с сильным наклоном вправо. Женский. Или, может быть, подростковый — так пишут девочки в старших классах, когда стараются выводить буквы красиво, но ещё не научились.

«День первый. Мы переехали. Квартира чудесная, мама говорит — лучшая из всех, что у нас были. Папа ворчит, что дорого, но я вижу — ему тоже нравится. Камин работает. Я никогда не жила в доме с камином. Вечером будем пить чай и смотреть на огонь».

Арина перевернула страницу.

«День третий. Ночью кто-то ходил по коридору. Я слышала шаги, но, когда выглянула — никого не было. Папа говорит — старые дома всегда скрипят. Но это были не скрипы. Это были именно шаги. Медленные, тяжёлые. Как будто кто-то очень большой ходил взад-вперёд».

— Ветров, — позвала она.

Он появился в дверях спальни.

— Что там?

— Дневник. Предыдущих жильцов. Точнее — их дочери.

Она перевернула ещё страницу.

«День седьмой. Мама говорит, что я всё выдумываю. Но я не выдумываю. В зеркале в прихожей иногда появляется кто-то ещё. Не я. Я стою перед зеркалом, а в нём отражаюсь не только я. Там кто-то ещё сзади. Но когда я оборачиваюсь — никого нет. Я проверила раз десять. И да, я знаю, как это звучит. Как начало плохого фильма ужасов. Но мне не страшно. Мне интересно».

— Очень смелая девочка, — прокомментировал Ветров.

Арина перевернула ещё страницу. Потом ещё. Дневник обрывался на четырнадцатом дне.

«День четырнадцатый. Оно заговорило. Я стояла перед зеркалом, и оно заговорило. Голос был тихий, как шёпот ветра в трубе. Оно сказало: Не бойся. Я не причиню тебе вреда. Я просто жду. Я спросила — чего? Оно не ответило. Но я знаю. Я поняла. Оно ждёт кого-то. Не меня. Кого-то другого. Может быть, вас».

Арина закрыла тетрадь.

В комнате повисла тишина.

— Последняя запись, — сказала она. — День четырнадцатый.

— И когда это было?

Арина посмотрела на обложку. В углу стояла дата — сентябрь две тысячи двадцать второго года.

— Два года назад. Почти день в день.

— А квартира пустовала два года, — медленно произнёс Ветров. — Значит, они прожили здесь ровно две недели. А потом собрали вещи за одну ночь и уехали.

Он помолчал и добавил:

— А их дочь оставила дневник. Для нас.

Арина положила тетрадь на кровать и посмотрела в зеркало на стене в прихожей. Старое, в потемневшей раме. В нём отражалась она сама, спальня за спиной, дверной проём и Ветров, стоящий на пороге. И больше никого.

Пока.

— Нужно найти Лидию Петровну, — сказала она. — Прямо сейчас.

— Зачем?

— Чтобы спросить её про девочку. Про эту семью. Про то, что случилось на четырнадцатый день.

Ветров кивнул.

— Хорошо. Идём.

Они вышли в коридор. Дверь квартиры закрылась за ними с пугающей тишиной, без единого звука. И в наступившей тишине Арина готова была поклясться, что слышит — откуда-то изнутри, из-за закрытой двери — чей-то тихий, едва различимый шёпот.

«Я всё ещё жду».

Глава 6

Лидию Петровну они нашли во дворе.

Внутренний двор дома купца Сорокина оказался квадратным колодцем, вымощенным булыжником. Стены из тёмного кирпича уходили вверх на все семь этажей, и небо над головой казалось далёким серым пятном, до которого невозможно дотянуться. Посередине двора стояла деревянная скамейка. Рядом — чахлый куст сирени, уже облетевший. И больше ничего. Ни детской площадки, ни клумбы с цветами, ни белья на верёвках. Только голый камень, тёмный кирпич и тишина.

Старушка сидела на скамейке, сложив руки на коленях, и смотрела в стену напротив. Услышав шаги, она не обернулась.

— Уже нашли дневник, — сказала она. — Быстро же вы.

Арина остановилась в двух шагах от скамейки.

— Откуда вы знаете?

— Я ждала, что найдёте. Та девочка оставила его специально. Говорила мне: «Если кто-то поселится после нас, пусть прочитает. Может быть, они поймут».

— Что — поймут? — спросил Ветров.

Лидия Петровна наконец повернулась. Её светлые глаза смотрели без враждебности, но и без тепла. Так смотрит врач на пациента, которому предстоит сообщить неприятный диагноз.

— Поймут, что дом — живой. Он не просто стоит на магических линиях. Он сам — магическая линия. Он дышит, думает, ждёт. И он выбирает.

— Выбирает кого или что? — спросила Арина.

— Жильцов. Хранителей. Тех, кто останется здесь. Девочка не подошла. Семья не подошла. Они уехали — и правильно сделали. Дом их отпустил. Но вас он ждал.

— Но мы работаем в отделе «П.» уже давно, — сказал Ветров. — Почему дом не позвал нас раньше?

Лидия Петровна усмехнулась.

— А вы были готовы? Два года назад вы были просто сослуживцами. Вы не доверяли друг другу. Дом ждал, пока вы созреете. А вы всё не шли. Пришлось Марку Львовичу вмешаться. Я могла бы сообщить ему раньше. Но что бы это дало? Он прислал бы магов — они бы не справились. Дверь открылась бы шире. Я ждала. Ждала, пока дом позовёт тех, кто сможет. И вот — вы здесь.

— Откуда вы всё это знаете про нас?

Старушка улыбнулась. На этот раз — печально.

— Потому что я — одна из тех, кто остался. Можете понимать это как хотите. Я живу здесь пятьдесят два года. Я видела, как приходят и уходят люди, маги, существа. Я видела, как дом принимает их или отвергает. И я знаю признаки тех, кто может и должен остаться.

Она поднялась со скамейки — медленно, но без усилия.

— Признак первый: зеркало. Если дом хочет говорить с вами, он начинает с зеркала. Признак второй: шаги в коридоре. Это не полтергейст. Это дом ходит по своим этажам и размышляет, анализирует. Признак третий, — она посмотрела на Ветрова, — антимаг. Дом не терпит пустоты. Если он позвал антимага, значит, ему нужно защититься от чего-то, с чем обычные маги не справятся.

— От чего, например? — тут же спросил Ветров.

— От того, что внизу.

Во дворе на секунду стало тихо. Даже городской шум — машины, голоса, далёкий лай собаки — стих, словно кто-то выключил звук. Ветров и Стеклова переглянулись.

— В подвале? — уточнила Арина.

— Ещё ниже, — ответила Лидия Петровна. — В подземном ярусе. Вы о нём уже знаете, не так ли? Марк Львович предупредил вас о нём. Но он не сказал вам, что именно там находится. А я скажу.

Она шагнула ближе и понизила голос до шёпота.

— Там спит то, что создало проклятие Вавилонского Слова. Не человек. Не маг. Не демон. Нечто, что старше этого города, старше этого языка, старше самой идеи слов. Оно спало тысячу лет. А теперь просыпается, потому что кто-то это потревожил. И когда оно проснётся окончательно — каждое слово в этом городе станет явью. Каждое проклятие. Каждое ругательство. Каждое брошенное слово в сердцах.

Лидия Петровна замолчала. Её глаза блестели — то ли от слёз, то ли от чего-то ещё.

— Вы понимаете, что это значит? — спросила она. — В городе живёт двенадцать миллионов человек. Каждый из них в день произносит десятки, сотни слов, не задумываясь об их весе и значении. Если проклятие вырвется наружу — к утру от Москвы ничего не останется.

Арина смотрела на старушку и чувствовала, как по спине бежит холодок. Не от страха. От осознания. Так бывает, когда разрозненные куски головоломки вдруг складываются в картинку, и картинка эта оказывается гораздо страшнее, чем ты предполагал.

— Что мы должны делать? — спросил Игнат.

— То, за чем вас послали. Жить в квартире. Укреплять магический резонанс. Сдерживать проклятие. Но, кроме этого, — Лидия Петровна перевела взгляд с Арины на Ветрова и обратно, — вы должны быть честны друг с другом. Дом питается взаимоотношениями. Он чувствует фальшь. Если вы будете просто играть роли — он это поймёт. И тогда он вас отвергнет.

— А если не отвергнет? — спросила Арина. — Если примет?

— Тогда у вас есть шанс.

Старушка повернулась и медленно пошла к двери, ведущей обратно в дом. У порога она остановилась и, не оборачиваясь, добавила:

— И ещё кое-что. Та девочка, что оставила дневник она была права. В зеркале действительно кто-то есть. И оно действительно ждёт. Но ждёт оно не просто кого-то. Оно ждёт именно вас.

— Почему вы так думаете? — спросила Арина.

Лидия Петровна обернулась. В её глазах мелькнуло что-то — не страх, не печаль, а скорее узнавание. Так смотрит человек, который видит перед собой двух незнакомцев и одновременно — двух старых знакомых, которых не надеялся встретить.

— Потому что зеркало в вашей квартире молчало очень долгое время, — сказала она. — А сегодня утром заговорило. Впервые с тех пор, как уехала та семья. Я слышала его шёпот, когда проходила мимо вашей двери. Оно проснулось, потому что вы здесь. И оно хочет говорить с вами. Но решать вам — слушать или нет.

Дверь за старушкой закрылась.

Арина и Игнат остались во дворе вдвоём.

— Ну что, Ариша, — сказал Ветров после долгой паузы. — Кажется, у нас проблемы посерьёзнее, чем сломанная кофе-машина.

— Перестань меня так называть.

— Не могу. Привыкаю. Это же для конспирации.

— Для конспирации не обязательно называть меня Аришей. Можно просто — Арина. Соседи ничего не заподозрят.

— Соседи — нет. А дом — да. Ты слышала, что сказала Лидия Петровна? Дом чувствует фальшь. Если мы будем называть друг друга «коллега» и «гражданин Ветров», он нас выплюнет раньше, чем мы успеем сказать «проклятие Вавилонского Слова».

Арина вздохнула. Он был прав. Как всегда, в самые неподходящие моменты он оказывался прав.

— Хорошо, — сказала она. — Но только в присутствии соседей. И зеркала.

— Договорились. А когда мы одни — можешь называть меня Игнат. Или Игнаша. Для конспирации.

— Ты просто невыносим.

— Я знаю. Именно поэтому меня отправили с тобой. Чтобы ты не особо тут расслаблялась.

Он направился к двери. Арина задержалась на секунду, бросив взгляд на тёмные окна дома. Ей показалось, что в одном из них — на пятом этаже, мелькнула тень. Но, может быть, это просто облако отразилось в стекле.

Они вошли в дом.

Вечер наступил быстро. Ноябрьское солнце село рано, и к пяти часам за окнами было уже темно. Арина зажгла свет в гостиной — люстра на шесть ламп загорелась не сразу, а постепенно, словно просыпаясь после долгого сна. Обои в тёплом свете казались не такими старыми. Камин, который они с Ветровым растопили час назад, потрескивал и пах дымом — уютно, по-домашнему. Они сидели за обеденным столом. Между ними лежала папка с материалами, которую выдал Марк Львович, и тетрадь — та самая, которую они нашли в шкафу. Арина перечитывала записи, пытаясь найти в них что-то, что пропустила в первый раз. Что-то, что могло бы объяснить, почему дом выбрал именно их.

— Есть что-нибудь? — спросил Ветров.

— Ничего нового. Две недели наблюдений. Шаги в коридоре, тени в зеркале, шёпот по ночам. И на четырнадцатый день — контакт.

— И после этого они уехали?

— Да. В тот же день. Собрали вещи за одну ночь. Лидия Петровна сказала — как будто испугались. Но девочка не выглядит испуганной. Её последняя запись она скорее заинтригованная. Ей было интересно. Она хотела узнать больше.

— Может быть, родители испугались за неё, — предположил Ветров. — Прочитали дневник, поняли, что дочь разговаривает с чем-то в зеркале, и решили увозить её подальше. Логично.

— Логично, — согласилась Арина. — Но тогда возникает другой вопрос.

— Какой?

— Почему они оставили дневник? Если ты боишься за дочь, если ты хочешь забыть этот дом как страшный сон, — ты забираешь всё. Все вещи, все записи, все напоминания. Ты не оставляешь дневник на верхней полке шкафа. Ты сжигаешь его. Или увозишь с собой. Но они оставили его. Для нас. Или для тех, кто придёт после нас. Зачем?

Ветров задумался.

— Может быть, они хотели предупредить. Как и говорила Лидия Петровна. «Пусть прочитают. Может быть, поймут». Наоборот, если они и хотели забыть всё это, то оставление дневника разумно. Нам нужно что-то понять.

— И что же?

— Этого я пока не знаю, — признался Ветров. — Но, думаю, скоро узнаем. Ты слышала, что старушка сказала про зеркало? Оно заговорило сегодня утром. Хочет с нами поговорить. Да и мы вроде как слышали шепот.

Арина перевела взгляд на зеркало в прихожей. Отсюда, из гостиной, его не было видно — только край рамы, тёмное дерево с резным узором.

— И что ты предлагаешь? — спросила Стеклова.

— Давай поговорим с ним, — пожал плечами Ветров. — Мы же за этим сюда приехали. Расследовать, сдерживать, выяснять. Зеркало — часть всего этого.

— А если оно опасное?

— Я антимаг, забыла? На мне любое зеркало раму ломает.

— Это не смешно.

— А я и не шучу. — Игнат поднялся из-за стола и направился в прихожую. — Пойдём, Ариша. Посмотрим, что нам хочет сказать местная нечисть.

Арина встала и пошла за ним.

Они остановились перед зеркалом в прихожей. Тяжёлая рама, потемневшее от времени стекло. В нём отражались двое — женщина в строгой блузе, с убранными в хвост волосами, и мужчина в зелёном джемпере, со спутанными русыми волосами и щетиной на подбородке, которая уже отросла за день. Они стояли рядом, почти касаясь друг друга плечами.

— Ну, — сказал Ветров, глядя в зеркало. — Мы пришли. Говори.

Тишина.

— Может, оно стесняется, — предположил он. — Давай ты. Ты менталист. Может, оно чувствует, что ты своя.

Арина сделала шаг вперёд. Её отражение шагнуло навстречу.

— Мы здесь, — сказала она. — Мы приехали, как ты хотело. Чего ты ждёшь?

Стекло дрогнуло.

Едва заметно — как будто кто-то провёл по нему ладонью с той стороны. Отражение Арины поплыло, теряя чёткость, а затем за её спиной начало проявляться что-то ещё. Сначала — смутный силуэт, тёмное пятно. Затем — очертания. Плечи. Голова. Руки, опущенные вдоль тела. Человеческая фигура. Высокая. Очень высокая. Существо стояло в зеркале за спиной Арины, и его лицо, ещё не проявившееся до конца, уже смотрело на неё.

— Ты видишь? — прошептала Арина.

— Вижу, — тихо ответил Ветров. — Не двигайся. Стой на месте.

Фигура в зеркале сделала шаг вперёд. Теперь она стояла прямо за отражением Арины — так близко, что, казалось, ещё немного, и коснётся её плеча. Лицо начало проявляться. Не человеческое — или не совсем человеческое. Слишком правильные черты. Слишком гладкая кожа. Глаза — тёмные, без зрачков. И губы, которые медленно, очень медленно растянулись в улыбке.

— Ты пришла, — произнесло существо. Голос был тихим, как шелест страниц в пустой комнате. — Я ждало тебя. Долго.

— Кто ты? — спросила Арина. Её голос не дрожал. Пока.

— У меня нет имени. Люди здесь называли меня по-разному. Шёпот. Тень. То, что в зеркале. Ты можешь называть меня как хочешь. Мне всё равно.

— Что тебе нужно? — спросила она.

— Я хочу помочь. — Существо склонило голову набок. Жест получился странным — слишком плавным, словно позвонков в шее было больше, чем нужно. — Я не враг. Я — часть этого дома. Я — его голос, глаза и уши. Я знаю, что там внизу. В подземном ярусе. Я знаю, что там проснулось. И я знаю, как это остановить.

Ветров шагнул вперёд и встал рядом с Ариной. Его отражение появилось в зеркале, и существо перевело взгляд на него.

— Анتماг, — произнесло оно. — Интересно. Давно не видела таких, как ты.

— Взаимно, — ответил Ветров. — Ты сказала, что знаешь, как остановить. Рассказывай. Существо улыбнулось.

— Нужно спуститься вниз. На подземный ярус. И закрыть дверь. Там есть дверь. Она открылась два года назад — тогда же, когда уехала та семья. Через неё просачивается проклятие. Если дверь закрыть — проклятие уйдёт. Дом успокоится. Город будет в безопасности.

— И почему никто не закрыл эту дверь раньше? — спросила Арина.

— Потому что никто не мог. Дверь не поддаётся магии. Она открывается только тем, кто связан с домом. А ключом служит связь между двумя людьми. Истинная связь. Не фальшивая. Настоящая.

Существо перевело взгляд с Ветрова на Арину.

— Вы можете её закрыть. Я чувствую между вами искру. Слабую, но искру. Дом тоже её чувствует. Именно поэтому он вас позвал. Но этой искры пока недостаточно. Её нужно разжечь.

— Как? — спросила Арина.

— Будьте честны друг с другом. Доверяйте друг другу. Живите. Проявляйте любовь и заботу. Дом сам сделает остальное.

Изображение в зеркале снова поплыло. Существо начало отступать назад, растворяясь в глубине стекла, как дым в темноте.

— Подожди, — сказала Арина. — Ты сказала — истинная связь. Что это значит?

— Это значит то, что нельзя подделать, — донёсся до неё тихий голос. — Не играйте. Не притворяйтесь. Будьте настоящими. Дом видит всё.

И зеркало опустело.

Только их отражения остались стоять в потемневшей раме — двое людей, которые ещё утром были просто коллегами, а теперь не знали, как смотреть друг на друга.

Ветров нарушил тишину первым.

— Ну вот, — сказал он. — Поговорили. Теперь понятно, почему та семья уехала. Я бы тоже уехал, если бы увидел такое, будь я обычным человеком.

— Ты серьёзно? — Арина повернулась к нему. — После всего, что мы слышали, ты шутишь?

— Я не шучу. Просто размышляю.

— О чём?

— О том, что зеркало сказала: «Будьте настоящими». А мы даже не знаем друг друга. Ты знаешь, сколько сахара я кладу в кофе?

— Ты пьёшь чёрный, — машинально ответила она и осеклась.

Ветров улыбнулся.

— А ты — с одной ложкой. Я заметил.

Арина промолчала. Потому что действительно — он заметил. Когда-то. В офисе. На прошлой неделе. Или в позапрошлом месяце. Или всегда замечал.

— Игнат, — сказала она.

Впервые — по имени. Не «Ветров». Не «ты». Игнат.

— Ого.

— Замолчи. Я серьёзно. Если то, что сказала зеркало — правда, то мы не можем притворяться. Это не сработает. Нам нужно — она замялась. — Нам нужно действительно узнать друг друга. По-настоящему.

— Стеклова, — он посмотрел на неё без привычной усмешки. — Ты это сейчас серьёзно предложила?

— Да.

— Хорошо. Тогда предлагаю начать с ужина. Я готовлю. Ты рассказываешь о себе. Всё, что считаешь нужным. Без притворства.

— А ты?

— А я расскажу о себе. По очереди. Как на свидании. Только без цветов и всякого такого.

Арина вдруг поняла, что не может сдержать улыбку. Глупой. Совершенно неуместной. Той самой, которая появляется на лице, когда всё идёт не по плану, но почему-то это не огорчает, а наоборот.

— Договорились, — сказала она. — Но готовлю я. Ты в прошлый раз пересолил суп в офисной столовой. Я запомнила это на всю жизнь. Мне не нужен пересоленный ужин.

— Я не пересолил. Я добавил специй. Это другое.

— Это был суп-пюре, Ветров. Какие специи в супе-пюре?

— Для творческого человека ограничений нет, — он развернулся и направился к чулану. — Ладно, готовь ты. А я пока найду, из чего здесь можно сделать чай. В чулане были какие-то коробки.

— Только не трогай банку с надписью «Эссенция Пустоты», — бросила она ему вслед.

— А она там есть?

— Не знаю. Но если есть — лучше не трогай.

Ветров рассмеялся. Его смех эхом разнёсся по пустой квартире, и Арина вдруг подумала, что за последние несколько лет она ни разу не слышала, чтобы он смеялся. Улыбался — да. Усмехался — постоянно. Но не смеялся. Это был новый звук. И он ей нравился.

Она прошла на кухню. Старая газовая плита, чугунная раковина, полки с посудой. Кто-то — возможн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.